

Синцеритивизм или интенция к искренности

Чернявская М. Н.

*студентка, 3 курс, направление подготовки «Философия»
Таврическая академия КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)*

Культура современности переживает глобальный кризис своих оснований и смысловых ориентиров. Духовная ситуация времени может быть обозначена, если обратиться к терминологии Франкла – в форме некоего всеобщего «экзистенциального вакуума», погруженного в повседневное усредненное бытие, называемое обществом потребления, массовой культурой и прочими уже достаточно закрепившимися наименованиями.

Постмодернистский релятивизм не решил проблему бытия человека, его места и назначения в мире. Данное движение, если принять Буберовское разделение философии на проблематичную и неproblemатичную – предельно и принципиально неproblemатично, так как вопрос о смысле не может быть поставлен, если сам смысл деконструирован, начиная от ницшевского постулата о смерти Бога, заканчивая Сартровской смертью человека.

Культурное и социальное положение современного бытия нашло свое осуществление в предельной одномерности. Вопрос о бесконечности пространства стал метафизическим по своей сути и относится скорее к специфике естествознания, чем к экзистенциальной рефлексии, ужаса перед пространством, как трансценденция. В бытии-в-потреблении нет пространства, нет времени, которое уходит в необозримую бесконечность. Консюмеризм в коренной своей установке сам по себе полагает монизм потребления, монизм существования потребности, которая выражает себя в биологизме, моде и копии. Само измерение временности предполагает предельность настоящего, в котором существует предложение, в темпоральности потребления человек запечатлен как узловой момент пересечения спроса и предложения.

Но помимо явного высвечивания проблематики бытия усредненности, социокультурное бытие нуждается в поиске новых интенций, так как на данный момент мы имеем некую область апофатической обозначенности того ориентира, на которую нацелена критика постмодернистской установки.

Назовем одну из искомых интенций, противоположных всеобщему деконструктивизму искренностью. Именно искренность может послужить трансцендентальной формой самой возможности повседневного воплощения императива (принимая мысль Франкла – возможность самотрансценденции), и в тоже время как фундирующее начало возвращения смысловтворческой интенции в бесконечность. Находясь в пределах принципа потребления человек не сможет открыть в себе этой возможности, так как она не полагаема, консюмеризм отчуждает всё то, что связано с трансцендированием, выходом за рамки, так как оно не артикулируется в потреблении, не задействована по причине своей нерентабельности.

Искренность же (конкретизируем это понятие как синцеритивизм, от франц. *sincerite* – искренность) оперирует культивированием максимальной самоотдачи каждого конкретного индивида, находящей свое выражение в намеренной негации иллюзорного, в поиске своей целевой функции, которая послужит максимальной творческой интенцией данного индивида на мир. Таким образом, возвращая человека как ответственного участника конструирования мира возникает концептуальная возможность ничтожения консюмеризма как целевого фактора повседневного социального присутствия. Повседневность (Хайдеггеровское *das Man*) как форма присутствия обретает негативную семантику, где синцеритаристское воплощение мирности находит свое осуществление и

преодоление повседневности. Потребление превращается в инструментарий, в подручное, что способствует достижению лично поставленной цели, некоторой функции, где человек обретает смысл, то есть становится уже не формой существования, но его частичным, незначительным модусом.

В данном случае, если рассматривать феномен искренности, как противоположный всеобщей методе деконструктивизма акт человека, присутствующего в мире, то рассматривать его можно в своем роде, как моральную стратегию фокусировки на реальное. Искренность можно полагать как форму нацеленности на мир, которая предполагает максимальное соответствие первичной «чистой» в себе идеи и реальности, связь между которыми полагается а priori в естественной нравственной установке (категорическом императиве). Также её можно рассматривать как модус Мудрости, Софийного начала, которое актуализировано в русской философской традиции.

Ведь каждый первичный акт максимального соответствия некоторой чистой в себе идеи и её непосредственной реализации, будь это дискурс христианства либо науки одинаково «реален» и концептуален в качестве своей первоначальной чистоты осуществления. Данный первичный акт мы можем обозначить под понятием «искренности». Глядя на последствия ядерной войны либо на жертв секты религиозных фанатиков, как частные ситуации, мы оцениваем не науку, как таковую, не христианскую идею, как таковую, но оцениваем её ситуационное воплощение, негативную интерпретацию, становящуюся в оппозицию по отношению к «искренности» первоначальной формулировки. Искренность может выступать чистым эйдосом, сущностью, в которая полагает в скобки любую форму искажения или патологии. Сама первичная форма выражения искреннего полагает некоторый трансцендентальный императив, коррелирующий её воплощения в реальном мире. Искренности противоположна разность интерпретации, она есть предельное вчувствование во всей полноте своего проявления, в присутствии искренности невозможно само понятие симулякра смысла.

Искренность в своем проявлении манифестирует необходимость возвращения к ценностному универсуму. В каждом регионе социального бытия человечества имеется некоторый исторически сложившийся конструкт, обладающий своей особенностью и характерными функциями сохранения ценностных кластеров. Это Традиция. Возвращение к Традиции, как культурному феномену, создающему возможность смысловорческой искренней направленности в будущее, становится важной целью на пути искоренения культурной «бездвременности». Ведь очевидно, что дальше нас ожидает либо Ничто, либо радикальный поворот к «позитивности» ценностного универсума. Еще в первой половине двадцатого столетия Рене Генон предчувствовал возможность такого поворота культурно-аксиологического маятника истории и определил его как возврат к Традиции, только не традиции «традиционализма», принимающего это понятие в искаженной форме, но в понимании традиции, как возвращения к царству «качественного» вместо наличного существования царства «количественного».

Феномен искренности приложим к повседневным проблемам человеческого существования не только как самоочевидный факт, но его можно рассматривать более обширно, в качестве методологии морального бытия человека. Искренность выступает на данный момент потерянным смыслом культуры, культуры, в которой утеряно само понимание искренности как составляющей морали, как таковой. Вместе с ницшевским нивелированием Бога и морали, как проекции «умершей» трансцендентности, понятие искреннего всматривания в мир было в свою очередь разрушено постмодернистской установкой.